

ИНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ

Линда
ЛАФФЕРТИ

ПРОКЛЯТИЕ
БАТОРИ

Москва
2016

УДК 821.111-312.4(73)
ББК 84(7Coe)-44
Л29

Linda Lafferty
HOUSE OF BATHORY

Copyright © 2013 by Linda Lafferty
This edition is published by arrangement with Gelfman
Schneider/OCM Partners,
International Creative Management, Inc., c/o Curtis Brown UK
and The Van Lear Agency LLC.

Оформление серии *А.Саукова*

Иллюстрация на переплете и форзаце *И.Хивренко*

Лафферти, Линда.

Л29 Проклятие Батори / Линда Лафферти ; [пер.
с англ. М. В. Кононова]. — Москва : Издатель-
ство «Э», 2016. — 448 с. — (Иная реальность).

ISBN 978-5-699-88779-8

Графиня Эржебет Батори, родственница самого Влада Дракулы, получила жуткую известность в веках как одна из самых жестоких убийц и истязательниц. Еще поговаривали, что она обрела секрет вечной молодости, принимая ванны, наполненные кровью девственниц. Ее признали виновной пред Богом и людьми и замуровали в крохотной комнате, где графиня умерла страшной смертью. Но ее колдовство, ее черные чары не исчезли вместе с ее черной душой. Никуда не делись и потомки графини, продолжившие носить титул графов Батори. Живя среди нас, они мечтают о возрождении былой мощи и власти. И прекрасно знают: древние тайны дают обильные всходы, если их сбрызнуть свежей невинной кровью...

УДК 821.111-312.4(73)
ББК 84(7Coe)-44

© Кононов М. В.,
перевод на русский язык, 2014
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Э», 2016

ISBN 978-5-699-88779-8

*Посвящается
моей любимой сестре
Нэнси Лафферти Элише
(поскольку Дейзи сказала, что так надо)*

Пролог

*Шарварский замок
Дом конюшего графа Надашди
Западная Венгрия
31 октября 1589 года*

В первые минуты повитуха Агота не заметила ничего необычного. Ее покрытые лиловыми венами руки бережно держали скользкую головку новорожденного. Когда глазки малыша открылись и заморгали в тусклом свете свечи, старуха улыбнулась ему.

— Конечно, мадьяр, — проговорила она, любуясь его глазками.

Мать застонала, ее тазовые мышцы все еще сокращались.

— Глазки у него будут зеленые, как у деда, — продолжала старая повитуха, восхищенно качая головой.

Нынче вечером Шарварский замок будет ликовать — а как же: наконец-то у шталмейстера родился сын!

Но, уже собравшись перерезать пуповину, женщина вскрикнула, вскинув к лицу руки, все еще мокрые от теплой крови. Мать приподнялась, пот заливал ей глаза.

— Что-то не так? — простонала она. — Говори же, Агота!

Старуха покачала головой. Через секунду младенец заплакал — его крошечные легкие заработали, выдав вполне здоровый крик.

Мать протянула руки, прося дать ей ее чадо.

Бросив осенять себя крестным знамением, повитуха сморщенными пальцами запеленала малыша в чистую льняную пеленку и передала матери. Тот сразу же замолк и уставился в материнские глаза.

— Посмотрите, госпожа! — Сморщенным розовым пальцем Агота раздвинула крошечные губки младенца; тот недовольно пискнул.

И мать поняла, что так встревожило повитуху: за губами скрывался полный набор прекрасно сформированных белых зубиков.

— Это талтош¹, — прошипела старуха. — Один из древних!

Она разжала крепко сжатый правый кулачок младенца, и в маленькой комнатке, до сих пор наполненной запахом пота и родов, раздался ее облегченный вздох.

— Слава богу, только пять пальчиков!

Мать нежно разжала левый кулачок младенца и, обнаружив шестой палец, воскликнула:

— Это знак! Что мне делать? Что с ним будет?

Пламя свечи заколыхалось от прокравшегося под дверь сквозняка. В толстое свинцовое стекло барабанил дождь.

— Никому не показывайте вашего ребенка, — сказала Агота. — Если Габсбурги прознают, они вышибут ему мозги.

Раздался стук в дверь. Повитуха и роженица переглянулись.

— Прогони его! — шепнула мать. — Не впускай сюда никого.

Повитуха кивнула и слегка приоткрыла дверь. Там стоял один из конюхов, молодой парень. Он снял шапку; в его темных волосах виднелись солома и овсяная мякина.

¹ Талтош — венгерский шаман, колдун. — *Здесь и далее прим. пер.*

— Господин шталмейстер желает видеть своего... простите, это сын или дочка?

Агота замаялась и, прежде чем ответить, облизала языком потрескавшиеся губы.

— Скажи господину, что он может гордиться здоровым мальчиком. Но госпожа еще слаба и просит навесить ее позже, когда она будет в состоянии принять его.

Дверь тихо затворилась, и повитуха подождала, прислушиваясь к удаляющимся шагам. А потом тихонько задвинула засов.

Мать прижала ребенка к груди.

— Никто не узнает этой тайны, кроме моего мужа, — проговорила она. — Поклянись мне, что не расскажешь никому и унесешь эту тайну с собой в могилу!

— Клянусь всеми святыми, госпожа, — прошептала старуха. — Талтош — это неземная сила. Будь я проклята, если причиню какой-либо вред этому младенцу, ибо он наделен благословенной магией.

Молодая мать откинула назад свои мокрые от пота волосы и задумалась.

— Притворюсь больной и скажу, что ребенок тоже нездоров. Никому не позволю приходить ко мне.

— Все равно пойдут разговоры, госпожа. Вам надо уехать из этого королевства. Куда-нибудь подальше, — сказала повитуха. — А шестой пальчик я отрежу, сегодня же.

— Бедное дитя!

— Послушайте, госпожа. Церковь или король все равно разыщут его. Да и сами Батори¹ могут его опасаться.

¹ Хотя Эржебет была племянницей польского короля Стефана (Штефана), которого в русской традиции зовут Стефаном Баторием, сама Эржебет в русской литературе более известна под фамилией Батори, что соответствует венгерскому произношению. А поскольку в романе речь идет прежде всего об Эржебет, то представляется правильным использовать вариант «Батори», а не «Баторий».

Госпожа Эржебет, вышедшая замуж за господина Ференца, — она очень странная женщина.

— Что ты хочешь сказать?

Лицо старухи перекошилось.

— Она ведет себя жестоко... — Агота оглянулась и прошептала: — В ней больше трансильванского, чем венгерского. Эчедские Батори предадут этого ребенка смерти, потому что боятся могущества настоящего венгерского талтоша.

— Но он же невинен!

Малыш прильнул к материнской груди, тихонько посасывая ее. Она чувствовала только нежное чмоканье губ новорожденного, похожее на журчание ручья, и крохотные зубки — будто каменистое дно в волне сладких поцелуев.

— Вам нужно покинуть Шарвар и не возвращаться, пока ребенку не исполнится пять лет. В этом возрасте у нормальных детей вырастают все зубы.

— А палец? Ведь останется шрам...

— Скажете, что ручка попала под колодезную веревку. Или что малыш напоролся на кухонный нож, когда пытался взять со стола морковь.

— Столько лжи!

— Вы должны защитить сына.

Мать кивнула, но лицо ее исказилось страданием.

— Следите за знаками, — сказала повитуха. — Он будет видеть то, что нам, простым смертным, видеть не дано. Талтоши способны понимать сны, они живут между миром живых и миром духов. И умеют общаться с животными, особенно с лошадьми.

Молодая мать закрыла глаза.

— Хотя бы за это его отец будет ему благодарен.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава 1

Карбондейл, штат Колорадо

31 октября 2010 года

— Дейзи.

Уединившись в своем кабинете и опершись подбородком на ладонь, доктор Элизабет Пэт прошептала имя своей пациентки. Ее мать терпеть не могла, когда она так сидела. «Сядь прямо», — постоянно одергивала она дочь.

Дубовое офисное кресло, которое Элизабет унаследовала от отца, скрипнуло, когда она обвила ноги вокруг ножек. Женщина выглянула в окно на слегка припорошенную снегом гору Соприс.

Пальцами левой руки она рассеянно закручивала свои вьющиеся русые волосы в толстую веревку, опустившуюся ниже ключиц. Мать и это терпеть не могла, называя рукоблудием. «Нехорошо, когда у женщины под сорок волосы опускаются ниже ключиц, а она еще и играет с ними как ребенок! А такие хорошенькие голубые глазки? Ты бы хоть слегка украсила их косметикой! Для чего ты себя бережешь?»

«Мама, — подумала Бетси. — Ну что ты за человек!»

Цифровые часы отсчитали еще минуту — призрачная череда минут таяла на черном фоне. У Бетси, врача-психоаналитика, осталось ровно тридцать три минуты

до прихода пациентки. Ей было нечего сказать Дейзи. И нечего ответить ее отчаявшейся матери.

Черт возьми! В голове мелькнул образ отца, и в его небесно-голубых глазах отразилось явное разочарование.

— Прислушайся, Бетси. Постарайся услышать то не сказанное, что витает в воздухе.

Да, папа, не сказанное; «не сказанное» я могу услышать. Но что можно услышать в абсолютном молчании?

Ей требовалось что-то отыскать, хоть что-нибудь, чтобы пробиться сквозь молчание Дейзи Харт. Замкнувшись в себе девчонка отказывалась предложить что-либо, кроме бесконечных вздохов и пожиманий плечами; а ее черные ногти все шире и шире растягивали дырки в ажурных чулках.

Она иногда кашляла, закрывая накрашенные глаза так крепко, что от ресниц оставались следы на скулах. Бетси замечала сверкание одного не выправленного брекетами клыка, нелепо выступающего в ряду безупречно ровных белых зубов.

Сеанс за сеансом в маленькой викторианской гостиной отца Бетси, много лет назад переделанной в кабинет для психиатрической практики, раздавался только сдавленный кашель Дейзи. Венские часы отбивали час, и ее готическая пациентка, так и не вымолвив ни слова, вставала и уходила.

Молчаливая, как призрак.

Дейзи была загадкой, завернутой в черный креповый бант. И ее психиатру пока не удавалось его распутать.

Бетси передвинула на коленях том «Толкования сновидений по Юнгу». Свежесть, чистота. Маргаритки¹ символизируют просветление, озарение, отражение солнца.

Имя говорило лишь о настроении родителей, когда девочка родилась, и ничего — о ней самой.

¹ Имя Дейзи (Daisy) по-английски означает «маргаритка».

Задумавшись, Бетси приложила к передним зубам большой палец.

Фрейд был склонен интерпретировать символы в сновидениях буквально, но для Юнга это были личные переживания, связанные с ключевым символом.

В струящемся из окон осеннем свете Бетси склонилась над своим ноутбуком и на сайте с толкованиями сновидений набрала слово «Дейзи» — «маргаритка». У коллег-психоаналитиков подобное могло вызвать лишь презрительную усмешку — это все равно что читать гороскоп в местной газете.

И все же, когда пациент представляет собой такую загадку, можно было отбросить формальное обучение и дать волю маленькой шалости. Это доставляло особое, греховное удовольствие.

Экран компьютера заполнился рекламой диет — у правого края привлекали внимание слишком исхудавшие и излишне раздобревшие тела. Неоновыми цветами вспыхивали толкования карт Таро.

Если увидишь маргаритку не в сезон, значит, на тебя в каком-то обличье напало зло.

Она посмотрела в окно на увенчанную снежной шапкой гору Соприс и едва заметно покачала головой.

Потом ввела еще несколько запросов в «Гугле».

Толкование снов.

Если приснилось, что гуляешь по заросшему маргаритками полю, — это признак удачи и процветания. Кто-то протянет тебе руку помощи и направит по верному пути.

«Ха! — подумала Бетси. — Направит меня по верному пути! Это здорово. Ведь Дейзи не сможет самостоятельно отыскать туалет».

Тонкие пальцы Бетси снова застучали по клавиатуре. Еще одна попытка.

Символика татуировок — что кроется за татуировками?

Маргаритка — символ сестринства.

Бетси прыснула — отец любил, когда она так смеялась. Смех поглотила тишина пустого дома.

Скоро зима. На ветвях пучками яркого золота трепетали несколько оставшихся осиновых листьев. Опавшие листья, сухие и сморщенные, гонялись друг за другом на улице, порой попадая под колеса медленно движущихся автомобилей и разлетаясь шуршащими клочьями. Еще одна ночь — и все оставшиеся листья увянут, и землю скует мороз.

Бетси отчаянно хотелось выйти на улицу. Осеннее тепло больше не задерживалось в этой части Скалистых гор. Судя по прогнозу погоды, через пять дней должен был пойти снег.

Оставалось принять лишь одного пациента — Дейзи, — а потом она сможет закрыть свой ноутбук и выйти к последним проблескам солнца. Скорее бы, черт возьми!

Еще четверть часа. Она вошла в электронную почту и еще раз прочла короткое сообщение от матери.

Меня не перестают очаровывать Братислава и словацкие сельские пейзажи. Завтра я еду в Чахтицкий замок, где жила печально известная графиня Батори.

Пришлю тебе открытку, дорогая.

Бетси закрыла глаза и закусила палец, чтобы не зарыдать. Как мать может быть такой равнодушной, бесчувственной? Пейзажи ее *очаровывают*? Не прошло и десяти лет, как в той же Словакии в автомобильной катастрофе погиб отец. Как мама смогла туда вернуться?

Очаровывают? Что за чертовщина произошла с матерью?

Бетси вздохнула. Ее мать, преподаватель истории в университете, полюбила Восточную Европу задолго до того, как вышла замуж за родившегося в Словакии

красавца-психоаналитика, последователя Юнга. Несомненно, Братислава, о которой она пишет, — это город XVII века, часть габсбургской Венгрии, сердцевина ее исследований. Смерть отца Бетси не запятнала этот образ. Глаза доктора Грейс Пэт не видят крови мужа, обогрившей эту каменистую землю. Его вдова видит лишь двор Матиаша II, императора Священной Римской империи.

Исследования — вот все, что осталось у Грейс. А Бетси — кто она такая, чтобы отказаться ей в этом?

Послышался стук в дверь, а потом удаляющиеся шаги. В окно Бетси увидела хорошо одетую стройную женщину, на вид лет сорока пяти, то есть ненамного старше самой Бетси. Это Джейн Харт, мать Дейзи. И если она пришла — даже чтобы просто постучать в дверь, — это значительное событие. В те несколько недель, когда Дейзи приезжала в Карбондейл, сама Джейн так ни разу и не зашла в кабинет врача, словно боясь заразиться. Она высаживала дочь, а потом, после сеанса, забирала снова, никогда не выходя из машины. «Бойтся инфекции, — думала Бетси. — Как будто, переступив порог, можно подцепить психическое расстройство».

Бетси бесшумно подошла ближе к окну, чтобы услышать, как Джейн ожесточенно спорит с дочерью. Разговоры пациента с матерью — мощный инструмент для психоанализа. Кроме того, это было первый раз, когда пациентка произносила не только односложные слова. Дейзи теребила золотой крестик у себя на шее и упрямо качала головой.

— Не хочу видеть эту психичку, — говорила она. — Я не сумасшедшая. Мне надоело все это дерьмо!

— Я не говорю, что ты сумасшедшая. Но у тебя проблема, и тебе страшно повезло, что в прошлые выходные ты не задохнулась насмерть.

— Вот бы ты обрадовалась!